

Кадлубовский Арсений Петрович

**Очерки по истории
древнерусской литературы
житий святых**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А85

А85 **Арсений Петрович К.**
Очерки по истории древнерусской литературы житий святых / Кадлубовский
Арсений Петрович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 399 с.

ISBN 978-5-519-87542-4

ISBN 978-5-519-87542-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

научная разработка матеріала, представляемого ими, чрезвычайно ослабѣла. Причина этого явленія заключалась уже въ богатствѣ содержанія и въ объемѣ работы почтеннаго изслѣдователя, который исчерпалъ и привелъ въ извѣстность почти весь матеріалъ древне-русскихъ житій (и печатный и особенно рукописный), который поставилъ и рѣшилъ много вопросовъ какъ относительно отдѣльныхъ житій, такъ и объ общемъ характерѣ и свойствахъ этой литературы; впечатлѣніе получалось такое, что названный трудъ заканчиваетъ научную разработку предмета; но еще въ большей степени причина этого заключалась въ выводахъ изслѣдователя, въ силу которыхъ дальнѣйшее изслѣдованіе предмета казалось и ненужнымъ: древне-русскія житія были дискредитированы авторомъ, въ смыслѣ историческаго источника не только для вопроса о колонизаціи, интересовавшаго его, но и для другихъ вопросовъ по исторіи древне-русской жизни: имъ указана слабая степень, часто полное отсутствіе оригинальности, господство подражательныхъ приѣмовъ въ нихъ; указана скудость историческихъ, реальныхъ чертъ, вводимыхъ біографами въ свой рассказъ, замѣна ихъ общими фразами, шаблонными характеристиками добродѣтелей святаго, приуроченными лишь къ тому или другому имени; указано, что житіе не столько являлось историческимъ повѣствованіемъ, сколько предназначалось для чтенія въ церкви или за трапезой и служило главнымъ образомъ цѣлямъ церковнаго назиданія, какъ своего рода поученіе; потому не чертамъ собственно историческимъ, не индивидуальнымъ особенностямъ того или другого святаго придавалось главное значеніе, а общему, идеальному типу подвижника; можно было по готовымъ формуламъ написать житіе святаго, о которомъ не было извѣстно ничего, кромѣ имени и того основнаго содержанія его жизни, что онъ былъ инокомъ и подвижникомъ. Отсюда безжизненность, крайнее однообразіе, господство условно-риторическаго стиля—характерныя особенности житій изучавшагося г. Ключевскимъ цикла, т. е. сѣверно-русскаго.

Чрезвычайно важная заслуга г. Ключевского и состояла именно въ опредѣленіи *теоріи житія*, какъ особаго литературнаго рода въ древней Руси. Сообразно тому и критическая оцѣнка авторомъ каждаго отдѣльнаго житія, на почвѣ которой онъ выработалъ указанную теорію, заключалась въ выясненіи въ немъ роли элементовъ риторическаго и назидательнаго съ одной и реально-историческаго съ другой стороны.

Детальной критической оцѣнкѣ съ меньшею обстоятельностью подвергнуты имъ были житія сравнительно поздняго происхожденія (со второй половины XVI вѣка) и преимущественно святыхъ отдаленнаго сѣвера; этотъ пробѣлъ старался восполнить г. Яхонтовъ въ своей книгѣ: „Житія святыхъ поморскаго края, какъ историческій источникъ“ (Казань, 1881); такимъ образомъ этотъ послѣдній трудъ преслѣдуетъ ту же задачу и, надо сказать, еще усиливаетъ отрицательный взглядъ на житія: тщательное разсмотрѣніе убѣдило новаго изслѣдователя, что нѣкоторыя даже изъ тѣхъ житій сѣверныхъ святыхъ, которыми его предшественникъ готовъ былъ дать сравнительно высшую оцѣнку, въ сущности являются такими же подражаніями, болѣе или менѣе искусно приурочивавшими къ данному святому выраженія, фразы, цѣлыя тирады изъ болѣе старыхъ житій. Подобные выводы и наблюденія могли еще болѣе ослабить вниманіе къ житіямъ: они оказывались особаго рода стилистическими упражненіями,—не болѣе. Вслѣдствіе этого выходило, что „житія давали меньше для бытовой и народно-поэтической исторіи, чѣмъ можно было бы ожидать“ ¹⁾.

Надо имѣть въ виду еще одно обстоятельство, которое въ связи съ указаннымъ задерживало дальнѣйшее изслѣдованіе житійной литературы: громадное большинство ея памятниковъ до сихъ поръ остается неизданнымъ и стало быть не всѣмъ и не легко доступнымъ; при уста-

¹⁾ Акад. А. Н. *Пытинъ*, *Исторія русской литературы*, I, 305.

новленіи отрицательнаго взгляда на житія, розыски въ обширномъ рукописномъ матеріалѣ, съ крайне сомнительною надеждой найти что нибудь новое, естественно не представлялись особенно привлекательными.

Изданіе текстовъ житій также происходило въ большемъ количествѣ, въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, чѣмъ въ послѣдствіи; нѣсколько текстовъ было напечатано тогда на страницахъ „Православнаго Собесѣдника“, „Памятниковъ Старинной Русской Литературы“; въ концѣ 60-хъ же годовъ начато было изданіе Великихъ Миней Четіихъ митрополита Макарія, заключающихъ, между прочимъ, много текстовъ древне-русскихъ житій; въ сожалѣнію, это изданіе до сихъ поръ не исполнено и на четверть. Позднѣе нѣсколько текстовъ вышло въ изданіяхъ Общества Любителей Древней Письменности; нѣкоторые помѣщались и въ другихъ изданіяхъ, выходили и отдѣльно ¹⁾.

¹⁾ Мнѣ извѣстны изданія житій слѣдующихъ святыхъ сѣверной половины Руси:

- Авраамія Ростовскаго (П. С. Р. Л-ры, В. М. Ч. и отд. изданіе М. И. Соколова);
- Авраамія Смоленскаго (Пр. Соб. 1858, 3);
- Александра Невскаго (П. С. Р. Л-ры, I. V. VII. XV);
- Алексія Митрополита (О. Д. П.);
- Антонія Римлянина (П. С. Р. Л-ры; Пр. Соб. 1858, 2);
- Варлаама Хутынскаго (В. М. Ч.);
- Григорія Пельшемскаго (В. М. Ч.);
- Евфросина Псковскаго (П. С. Р. Л-ры);
- Евѣимія Новгородскаго (П. С. Р. Л-ры);
- Елеазара Анзерскаго (Пр. Соб. 1860, 1);
- Зосимы и Савватія Соловецкихъ (Пр. Соб. 1859, 2. 3);
- Исаіи Ростовскаго (Пр. Соб. 1858, 1);
- Іоанна Новгородскаго (В. М. Ч.);
- Іоны Новгородскаго (П. С. Р. Л-ры; В. М. Ч.);
- Іосифа Волоцкаго (Чт. Общ. Люб. Д. Просв. 1865; В. М. Ч.);
- Леонтія Ростовскаго (Пр. Соб. 1858, 1; Чтенія..., 1893, 4);
- Мартирія Зеленецкаго (П. С. Р. Л-ры);
- Михайла Клопскаго (П. С. Р. Л-ры; Некрасовъ, Зарожденіе національной литературы... Од. 1870);

Что касается пользованія рукописнымъ матеріаломъ, то, кромѣ различныхъ описаній рукописей, значительное пособіе въ этомъ дѣлѣ дано книгою Н. П. Барсукова: Источники русской агіографіи (С.-Пб., 1884, изданіе О. Д. П.); составитель книги, на основаніи главнымъ образомъ печатныхъ описаній, далъ списокъ рукописныхъ текстовъ древне-русскихъ житій, хранящихся въ разныхъ бібліотекахъ; той же цѣли отвѣчаетъ (правда, въ незначительной степени) и книга архим. Леонида: Святая Русь (С.-Пб., 1891, изд. О. Д. П.).

Если всмотрѣться ближе въ положеніе дѣла, то окажется, что забвеніе житійнаго матеріала и удаленіе его изъ области научнаго изслѣдованія въ рядъ ли дѣйствительно вызывается книгою В. О. Ключевского и въ рядъ ли составляло цѣль его. Обратившись по необходимости къ первому изъ четырехъ указанныхъ мною общихъ вопросовъ, онъ выполнѣ рѣшилъ его, выяснилъ, какія задачи преслѣдовалъ древне-русскій агіобіографъ; строгая же критическая оцѣнка отдѣльныхъ житій расчистила почву для того, кто желалъ бы пользоваться житіями, какъ историческимъ источникомъ; и изслѣдователь не утверждаетъ

Михаила и Теодора Черниговскихъ (В. М. Ч.);
 Моисея Новгородскаго (П. С. Р. Л-ры);
 Никодима Кожеозерскаго (Пр. Соб. 1865, 1);
 Наисія Галицкаго (Пр. Соб. 1898, 7--8);
 Паанутія Боровскаго (Сбор. И.-ф. Об-ва при Ин-тѣ кн. Безбородко, II);
 Петра царевича (Пр. Соб. 1859, 1);
 Петра и Февроніи Муромскихъ (П. С. Р. Л-ры);
 Прокоція Устюжскаго (О. Д. П.);
 Саввы Вишерскаго (В. М. Ч.);
 Сергія Радонежскаго (В. М. Ч., О. Д. П. и др.);
 Стефана Комельскаго (О. Д. П.);
 Стефана Пермскаго (П. С. Р. Л-ры);
 Трифона Печенгскаго (Пр. Соб. 1859, 2);
 Филиппа Ирапскаго (О. Д. П.);
 кн. Теодора, Давида и Константина (В. М. Ч.).

полной непригодности ихъ въ этомъ отношеніи ¹⁾. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ признать, что послѣднее слово въ изслѣдованіи житій еще не сказано, если смотрѣть на житіе не какъ на *историческій источникъ*, а какъ на *литературный памятникъ*; если искать въ немъ не только фактическихъ данныхъ о жизни святаго, его дѣятельности и отношенійхъ (въ этомъ именно смыслѣ говорилъ проф. Ключевскій объ „историческомъ источникѣ“): тотъ или другой характеръ назиданія, то или другое нравственно-религіозное міровоззрѣніе можемъ мы различать въ житіи и въ томъ случаѣ, когда оно бѣдно фактами и даже мало считалось съ ними. Потому изслѣдованіе житій въ этомъ направленіи возможно и послѣ книги проф. Ключевского. То же слѣдуетъ сказать и о легендарныхъ мотивахъ русскихъ житій; изслѣдовать ихъ литературную исторію совсѣмъ не входило въ задачу проф. Ключевского. Правда, легендарное содержаніе въ русскихъ житіяхъ представлено слабо: повидимому, преобладаніе назидательной цѣли, стремленіе восхвалить добродѣтель святаго, какъ образецъ для подражанія, вытѣснили легенду. Тѣмъ не менѣе далеко не все, сюда относящееся, было предметомъ изслѣдованія ²⁾, а иное (какъ напр. Волоколамскій патерикъ, о которомъ см. въ 4-мъ „очеркѣ“) и не обнаружено.

Эти соображенія заставили меня пересмотрѣть житійный матеріалъ и PROVĖRITЬ степень, въ какой онъ является разработаннымъ ³⁾. Имѣя въ виду житіи именно какъ литературные памятники и съ другой стороны считая вопросъ о формѣ рѣшеннымъ, я не могъ задаваться

¹⁾ Попытку воспользоваться житіями, какъ историческимъ матеріаломъ, находимъ въ работѣ г. Коноплева: *Святые Вологодскаго края* (Чтенія... 1895, 4 и отд.).

²⁾ Такъ, не выяснена литературная исторія легенды о прибытіи въ Новгородъ преп. Антонія Римлянина (въ житіи этого святаго).

³⁾ Указаніе того, что вообще сдѣлано по древне-русской литературѣ житій, см. А. Н. *Дмитиѣвъ*, *Исторія русской литературы*, I, 304—312; 317—318; IV, 602.

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЖИТІЙ СВЯТЫХЪ.

1. *Къ вопросу о житіи преподобнаго Авраамія
Ростовскаго.*

Житіе преподобнаго Авраамія Ростовскаго представляетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ памятниковъ древне-русской агиографической литературы и давно привлекало вниманіе изслѣдователей, изучавшихъ его съ различныхъ точекъ зрѣнія. Первоначально житіемъ интересовались, какъ историческимъ источникомъ; при этомъ оказывали если не безусловное, то все таки значительное довѣріе къ фактической его сторонѣ: въ разсказѣ житія о борьбѣ преподобнаго съ язычествомъ усматривали одно изъ свидѣтельствъ, вообще столь скудныхъ, о русскомъ язычествѣ; впрочемъ, и житіе въ этомъ отношеніи не давало ничего, кромѣ упоминанія идола бога Велеса. Этимъ упоминаніемъ пользовались для заключенія о почитаніи въ Ростовѣ бога Велеса и о существованіи тамъ идоловъ боговъ въ X (и можетъ быть XI) столѣтіи ¹⁾. Карам-

¹⁾ *Касторскій*, Начертаніе славянской мифологіи (1841), 175.

Срезневскій, Святилища и обряды языческаго богослуженія у древнихъ славянъ (1846), 55.

Афанасьевъ, П. возвр. слав. на прир., I, 693.

звнѣ ¹⁾), основываясь на показаніи житіи о почитаніи идола Велеса въ чудскомъ концѣ, говорилъ о воздѣйствіи русскаго язычества на сосѣдніи инородческія племена; въ житіи видѣли указанія на время и способы распространенія христіанства на Руси, именно въ ростовской области ²⁾ и т. п.

Съ теченіемъ времени однако содержаніе житіи вызвало у изслѣдователей все болѣе критическое отношеніе къ памятнику и сомнѣніе въ его исторической достовѣрности; сообразно съ этимъ выдвигалось критическое изученіе самого памятника; задачею изслѣдованія становилось опредѣленіе степени достовѣрности житіи и на ряду съ этимъ выясненіе его происхожденія и литературной исторіи.

Уже представителямъ перваго направленія въ отношеніи къ житію Авраамія пришлось отчасти запятаться его критикою, въ виду нѣкоторыхъ противорѣчій, замѣченныхъ ими въ памятникѣ, или недоумѣній, имъ вызываемыхъ, пришлось постараться такъ или иначе ихъ объяснить и разрѣшить. Эти противорѣчія и недоумѣнія представлялись имъ, какъ только они основательнѣе всматривались въ житіе и хотѣли извлечь изъ него нѣсколько болѣе обстоятельныхъ историческихъ свѣдѣній. Таково отношеніе къ нашему памятнику въ трудахъ преосвященныхъ Филарета ³⁾ и Макарія ⁴⁾, отчасти у П. Казанскаго ⁵⁾ и даже еще Карамзина ⁶⁾. И у нихъ мы находимъ признаніе, что сказаніе объ Аврааміи „темно“, и встрѣ-

¹⁾ Ист. Гос. Росс., I, 74 (изд. Эйнерлинга) и прим. 291.

²⁾ *Филаретъ*, Исторія русской церкви, I, 32.

Макарій, Ист. рус. ц., I, 14—18.

Казанскій, Исторія православнаго русскаго монашества, 160—170; и др.

³⁾ Ист. рус. церкви, I, 31—32. — Русскіе святые, I, 291 (29 октября).

⁴⁾ Ист. рус. церкви, I, 14—18; 207—209.

⁵⁾ Ист. рус. монашества, 169, прим. 2.

⁶⁾ Ист. Гос. Р., I, пр. 463.

чаемъ попытки опредѣлить съ точностью время его подвиговъ, причемъ Филаретъ и Карамзинъ передвигали ихъ въ болѣе позднюю эпоху сравнительно съ княженіемъ Владиміра святаго, на которое указываетъ житіе: то ко второй половинѣ XI вѣка ¹⁾, то даже къ XII в.; пр. Макарій, относя Авраамія ко временамъ Владиміра святаго, счелъ всетаки пужнымъ исправить показаніе о годѣ его преставленія ²⁾; но хотя пр. Макарій болѣе всѣхъ другихъ историковъ довѣрчиво отнесся къ житію, ему принадлежитъ другого рода важная заслуга въ изслѣдованіи его: имъ впервые различены три его редакціи ³⁾, впоследствии болѣе обстоятельно обслѣдованныя г. Ключевскимъ ⁴⁾. Первая редакція, дошедшая во множествѣ списковъ, говоритъ о сокрушеніи идола Велеса Аврааміемъ съ помощью трости, данной ему апостоломъ Іоанномъ Богословомъ, а затѣмъ излагаетъ борьбу святаго съ діаволомъ. Вторая распространяетъ эти свѣдѣнія извѣстіями о первоначальной жизни Авраамія, до этихъ подвиговъ, о постриженіи его на Валаамѣ, приходѣ въ Ростовъ поставленіи имъ Валаама и т. п.; третья представляетъ еще дальнѣйшее осложненіе легенды, касающееся также главнымъ образомъ первой поры жизни святаго.

Слѣдующія черты не могли не обратить на себя вниманія и названныхъ историковъ: въ житіи является Владиміръ святой и его современники (князь ростовскій Борисъ, епископы Θεодоръ и Иларіонъ), жители Ростова

¹⁾ 1073—1077 г. Таково мнѣніе Филарета, повторенное съ его словъ и арх. *Сергіемъ* (Полный мѣсяцесловъ Востока, II, 1, 288).

²⁾ 1010 (6518) въ 1045 (6553). Мнѣніе пр. Макарія повторяетъ и *М. Толстой* въ книгѣ: „Святити Ростова Великаго“ (М. 1860), 60 слл.

³⁾ Ист. р. ц., I, 269—272.

⁴⁾ Древне-русскія житія святыхъ (М. 1871), 28 слл. Срв. *Барсуковъ*, Источники русской агиографіи (С.-Пб. 1884), 1—2.

еще вполне язычники; съ другой стороны содержатся указанія на болѣе позднее время: великій князь сидитъ во Владимірѣ, въ Ростовѣ нѣсколько князей; святой носить титулъ архимандрита; далѣе отмѣчено несогласіе житія съ другими источниками (посланиемъ Симеона къ Поликарпу, житіемъ св. Леонтія Ростовскаго): эти послѣдніе въ то время, какъ наше житіе приписываетъ обращеніе ко Христу язычниковъ ростовскихъ трудамъ одного Авраамія, указываютъ на тяжелое положеніе, въ какомъ оказался св. Леонтій († 1073), страдавшій отъ язычниковъ уже послѣ времени Владиміра Святаго.

При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи памятниковъ, съ точки зрѣнія достовѣрности его, какъ источника, оказывается и еще немало затрудненій.

Свѣдѣнія объ Аврааміи, сообщаемыя житіемъ, отличаются слишкомъ легендарнымъ характеромъ; легендарный элементъ разсказа мало связанъ съ извѣстной исторической обстановкой; если же выключимъ его и будемъ искать чисто историческихъ данныхъ о жизни святаго, то окажется, что житіе отдѣляется отъ передачи ихъ самыми общими фразами и общими мѣстами житій: „чисто пріятельще бысть Святаго Духа, покоривъ плоть духови, и обладая страстьми плотскими... трудомъ себе истончивъ и бысть мнихомъ начальникъ, и житіе ангельское поживъ“; по устроеніи обители: „нача болыми подвизатися и труды къ трудомъ прилагати и молитвъ и посту себе вдавъ, и образъ бывъ всѣмъ и смиреніе велие стяжавъ...“; постъ ссоры съ княземъ: „...и поживе преподобный въ своемъ монастырѣ въ велицѣ смиреніи и труды къ трудомъ прилагая, и въ велицѣ смиреніи къ Господу отиде“ ¹⁾.

Такимъ образомъ житіе состоитъ или изъ общихъ фразъ или изъ разсказовъ легендарнаго характера. Этотъ

¹⁾ Памятники старинной русской литературы, I, 221, 222, 224.